

**КУЛЬТУРНЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ: СОДЕРЖАНИЕ ПРАВОВОЙ ДЕФИНИЦИИ
И ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ В СТРАТЕГИЧЕСКОМ ПЛАНИРОВАНИИ
В СФЕРЕ ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ**

DOI 10.34685/HI.2024.39.37.029

Шашкин Павел Александрович

кандидат философских наук,
старший научный сотрудник отдела культурологии
Российского научно-исследовательского института культурного
и природного наследия имени Д.С.Лихачёва (Москва)
Email: paulshahskin@list.ru

Аннотация. В статье представлено авторское видение правоприменения дефиниции «культурный суверенитет» в целях противодействия социокультурным угрозам национальной безопасности России и характеристика некоторых его свойств. Обеспечение культурного суверенитета рассматривается в качестве ключевой составляющей согласованных действий в сфере стратегического планирования органов публичной власти и институтов гражданского общества по охране суверенитета государства, достижения стратегических целей управления, защиты основ конституционного строя России, аксиологического фундамента государственности и исторически сложившейся конституционной идентичности. Свойства культурного суверенитета раскрываются, по мнению автора, в измеримых с точки зрения стратегического управления результатах государственной политики, требующих реализации комплекса управленческих мер и мероприятий. Свойство культурного суверенитета «защищенность народа и государства от деструктивного идеологического и информационного воздействия» должно выражаться в измеримых результатах скоординированных действий всех структур государства по пресечению деструктивного воздействия на культуру при активном участии в этом процессе гражданского общества. Свойство культурного суверенитета «сохранение исторической памяти и самобытности народа» требует выражения в измеримых с точки зрения стратегического управления результатах государственной политики, в числе которых – снижение количества и активности транснациональных, локальных «сообществ идентичности» в стране, не комплементарных с общероссийской гражданской и культурной идентичностью. Свойство культурного суверенитета «проведение общегосударственной политики в соответствии с традиционными российскими ценностями» должно найти свое выражение в конкретных результатах укрепления действующих исторически сложившихся институтов публичной власти с точки зрения их модернизации для достижения стратегических целей обеспечения национальной безопасности и развития на основе конституционного принципа солидарности, формирующей гражданское единство и самосознание. Качество культурного суверенитета России определяется, таким образом, поддержанием духовных сил государства и народа, основных публичных институтов на уровне, необходимом для формирования суверенной политической воли и достижения целей стратегического управления.

Ключевые слова: культурный суверенитет, национальная безопасность, стратегическое планирование, традиционные российские духовно-нравственные ценности, государственное управление, деструктивная идеология, социокультурные угрозы, культурная политика, общероссийская гражданская идентичность.

Тематика культурного суверенитета в последнее время становится предметом внимательного изучения отечественными исследователями. В то же время правоприменение данного термина в стратегическом планировании, в частности – в государственной политике по сохранению и укреплению традиционных российских ценностей, до настоящего времени не стало объектом исследования.

Важная новелла обновленной редакции Основ государственной культурной политики [1] (далее – ОГКП) 2023 года – появление правовой дефиниции культурного суверенитета. Культурный суверенитет

рассматривается как совокупность социально-культурных факторов, благодаря которым обеспечивается защита государства и граждан от деструктивного воздействия в сфере культуры, сохранение исторической памяти и самобытности народа, проведение общегосударственной политики в соответствии с традиционными российскими ценностями (ОГКП, разд. III). Таким образом в документе презюмируется, что культурный суверенитет обладает определенным набором особых свойств, определяющих формы и методы реализации государственной политики.

Появление данного термина в ОГКП стало логичным развитием положений Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [2] (далее – СНБ) и Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей [3] (далее – ОГПЦ), в которых группа угроз национальной безопасности, связанных с разрушением культурного суверенитета, обозначена в числе наиболее актуальных. Согласно названным выше документам стратегического планирования, культурный суверенитет подвергается деструктивному воздействию вследствие целенаправленных подрывных действиях по разрушению преемственности в развитии Российского государства, дискредитации (открытой и латентной) его базовых государственных и общественных институтов, государствообразующего народа и иных исторически проживающих в России этносов, в том числе посредством «вестернизации» культуры, искажения исторической правды и уничтожения исторической памяти, реализации ошибочных управленческих решений в области культурной, образовательной, научной, национальной и информационной политики без учета фундаментальной роли традиционных российских ценностей для сохранения гражданского единства народа России и его самобытности, единого культурного пространства страны, государственного суверенитета в целом (пп. 86-90 СНБ). Означенные действия имеют характерные черты, свойственные распространению деструктивной идеологии (пп. 14, 18 ОГПЦ), и требуют реагирования публичной власти и гражданского общества.

Очевидным образом нейтрализация комплекса угроз утраты культурного суверенитета становится приоритетом государственной культурной политики и политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей как составляющей политики обеспечения национальной безопасности (разд. IV ОГКП, пп. 7 п. 93 СНБ, п. 9 ОГПЦ), что требует дальнейшего раскрытия как собственно понятия культурного суверенитета применительно к управленческой практике, так и его отдельных свойств.

Главная роль государства как защитника традиционных ценностей и национальной культуры имеет те же правовые основы, что и роль государства в охране иных форм государственного суверенитета. Качеством суверенитета народ – единственный носитель суверенитета и источник власти (ч. 1 ст. 3 Конституции РФ) [4] наделяет демократическое государство как выразителя национальных интересов, но не отдельных граждан либо сообщества. В связи с этим уместно констатировать, что культурный суверенитет как составляющая государственного суверенитета обладает теми же общими свойствами, что и государственный суверенитет, включая верховенство, самостоятельность и независимость государственной власти. Таким образом исключительно государство как выразитель национальных интересов призвано решать широкий круг управленческих задач в сфере защиты национальной системы ценностей – основы культуры и национальной самобытности от деструктивного воздействия внешних и внутренних акторов, обеспечивать преемственность трансляции традиционных ценностей от поколения к поколению и охрану культуры как уникального наследия народа (ч. 4 ст. 68 Конституции РФ). Данные управленческие функции выражаются среди прочего в праве ограничивать либо пресекать любую деструктивную деятельность вступающих в конфликт с идентичностью государства-нации транснациональных «сообществ идентичности», создающую угрозы национальной безопасности, в особенности деятельность, ведущую к утрате исторически сложившихся национальных и культурных идентичностей граждан (пп. «м» п. 24 ОГПЦ). Последнее рассматривается Российским государством как ключевая социокультурная угроза национальным интересам (пп. 84 -85 СНБ).

Одним из главных субъектов деструктивной деятельности, конкурирующих с государством в процессах формирования ценностных ориентаций его граждан, выступают альтернативные государству транснациональные сообщества, последовательно стремящиеся к ограничению, а затем снижению и подрыву государственного суверенитета, в том числе культурного, путем умножения нелояльных национальному государству идентичностей, а также разрушения национального государства с обширной сферой влияния. Очевидным образом делигитимация публичных институтов как проявление угрозы утраты культурного суверенитета непосредственно коррелирует с проявлениями иных социокультурных угроз, выражающихся в саморазрушении общества, искажении правосознания,

традиционных исторически сложившихся идентичностей и моральных устоев граждан, фрагментации единого культурного пространства страны.

При этом подрыв культурного суверенитета как наиболее опасная и чреватая социальной напряженностью форма деструктивной деятельности имеет ряд отличительных особенностей, выявление которых имеет определяющее значение для корректной оценки действий любых лиц в целях нейтрализации социокультурных угроз национальной безопасности. Описывая проявления деструктивной идеологии, СНБ и ОГПЦ непосредственно указывают на такие ее характеристики, как целенаправленный, спланированный и организованный характер деятельности по ограничению, ослаблению и подрыву государственного суверенитета, в том числе культурного, представляющей угрозу национальным интересам России, единственным выразителем которых является государство (п. 87 СНБ, пп. 13, 16 ОГПЦ), а также первоочередную направленность таких действий на дискредитацию и подрыв доверия к исторически сложившимся общественным и государственным институтам, на разрушение политической, экономической и социальной солидарности (п. 17 ОГПЦ).

В этом аспекте защита традиционных ценностей, культуры и исторической памяти как отдельный стратегический национальный приоритет (п. 93 СНБ) непосредственно сопряжена с функцией уполномоченных народом органов публичной власти в широком взаимодействии с гражданским обществом осуществлять охрану культурного суверенитета в пределах своих полномочий для поддержания гражданского мира, укрепления гражданской идентичности и солидарности. Важно подчеркнуть, что данные функции не могут передаваться органами публичной власти никаким иным лицам, включая институты гражданского общества, что не исключает участие последних в выработке и проведении государственной политики строго в соответствии с уставными целями и при координирующей роли государства (п. 9 ОГПЦ). Первостепенное значение в этом процессе отводится политическим партиям, целевое назначение которых, в отличие от иных общественных, а также религиозных объединений, заключается в профессиональном формировании политической воли народа и выражении национальных интересов путем участия в работе институтов представительной демократии всех уровней, на что особо указал Конституционный Суд РФ [5].

К полномочиям Президента Российской Федерации, осуществляющего общее руководство стратегическим планированием и силами обеспечения национальной безопасности, относится принятие мер по охране суверенитета государства (ч. 2 ст. 80 Конституции РФ). Таким образом механизм обеспечения культурного суверенитета России закреплен конституционно и применяется в сфере охраны культуры и защиты традиционных ценностей в первую очередь силами обеспечения национальной безопасности, а также в пределах своих полномочий иными органами публичной власти (п. 10 ОГПЦ). Например, Правительство России и подведомственные ему органы и организации также участвуют в обеспечении культурного суверенитета в пределах своих полномочий (пп. «в», «д» ч. 1 ст. 114 Конституции РФ, п. 6 ст. 21, п. 1 ст. 24 Федерального конституционного закона «О Правительстве Российской Федерации» [6]).

В связи с разнообразием субъектов, уполномоченных обеспечивать культурный суверенитет, его особые свойства нуждаются в дальнейшем раскрытии и требуют обеспечения конкретными взаимосвязанными и согласованными управленческими мерами под общим руководством главы государства (п. 103 СНБ). Такие меры должны быть приоритетно направлены на достижение стратегических целей – укрепление российской государственности, сохранение исторически сложившегося культурного и гражданского единства российской нации, залогом чего выступает сохранение национальной и культурной идентичности граждан России, воспитание правосознания народа и гражданского самосознания в целом.

В связи с этим государство как выразитель национальных интересов, формирующихся в национальном самосознании на основе традиционных ценностей, априорно обязано принимать меры по пресечению любых действий, направленных на их разрушение (пп. 1, 2 п. 93 СНБ, пп. «а», «б», «м» п. 24 ОГПЦ). В рамках общенациональной культурной политики это предполагает, например, решение таких специальных задач как защита общества от деструктивного информационно-психологического воздействия, анализ деятельности, наносящей ущерб национальным интересам в сфере культуры, разработка мер противодействия такой деятельности (разд. VI, VII ОГКП).

Другим важным направлением реализации управленческих мер является масштабная гармонизация и актуализация нормативных правовых актов в сфере общенациональной государственной культурной политики [7], приведение их в соответствие с документами стратегического планирования в области национальной безопасности, совершенствование системы государственного управления в части разработки новых механизмов межведомственной и межуровневой координации и взаимодействия.

В управленческой деятельности такое свойство культурного суверенитета как «защищенность народа и государства от деструктивного идеологического и информационного воздействия» должно выражаться в измеримых результатах скоординированных действий всех структур государства по пресечению деструктивного воздействия на культуру при активном участии в этом процессе гражданского общества. Защита традиционных ценностей – суммы конституционных ценностей как общегосударственная задача непосредственно связана с достижением стратегических целей управления, что предполагает общие действия государственных и общественных структур по укреплению российской государственности как главного фактора защиты прав и свобод граждан и особой конституционной ценности (Определение Конституционного Суда РФ от 30 мая 2023 года № 1399-О) [8].

Свойство культурного суверенитета «сохранение исторической памяти и самобытности народа» требует выражения в измеримых с точки зрения стратегического управления результатах государственной политики: укрепление единства народа России как историко-культурной общности, основанной на преемственности культурного и государственного развития, пресечение попыток фальсификации истории и «нациестроительства», сокращение числа формирующихся новых псевдоидентичностей, включая новые гражданские идентичности, не комплементарных с общероссийской гражданской и культурной идентичностью, снижение количества и активности транснациональных «сообществ идентичности» в стране (пп. 1, 2 п. 93 СНБ, п. 2 разд. II, разд. IV ОГКП, пп. «а», «б» п. 24 ОГПЦ).

Свойство культурного суверенитета «проведение общегосударственной политики в соответствии с традиционными российскими ценностями», в свою очередь, должно найти свое выражение в конкретных результатах укрепления действующих исторически сложившихся институтов публичной власти с точки зрения их модернизации для достижения стратегических целей обеспечения национальной безопасности и развития, к которым относится нейтрализация угроз национальным интересам и поддержание баланса государственных и общественных интересов и интересов личности, развитие в управленческой практике конституционного принципа солидарности, формирующей гражданское единство и самосознание [9]. В целях эффективного пресечения распространения деструктивной идеологии, разрушающей гражданское единство и самобытность народа, реформы в сферах культуры, науки, образования, в информационной среде должны сопровождаться научным обоснованием целесообразности их проведения и расстановкой ясных и реалистичных приоритетов в достижении стратегических целей управления, о которых было сказано выше, при участии в процессе обсуждения всех ключевых органов публичной власти и ответственных структур гражданского общества (п. 18 ОГПЦ).

Качество культурного суверенитета России определяется, таким образом, поддержанием духовных сил государства и народа, основных публичных институтов на уровне, необходимом для формирования суверенной политической воли и достижения целей стратегического управления. Управленческая деятельность по обеспечению культурного суверенитета и защите системы традиционных ценностей как основы национальной культуры и российской самобытности служит тем самым достижению конституционных целей государственного строительства, в числе которых – сохранение государственного и гражданского единства, самобытности народа, развитие здорового нравственного правосознания и укрепление начал солидарности в обществе. «При этом верховенство права является той единственной почвой, на которой возможно подлинное утверждение социальной, экономической и политической солидарности» [10], что дает основание рассматривать обеспечение культурного суверенитета как форму защиты основ конституционного строя России и аксиологического фундамента конституционной идентичности.

ПРИМЕЧАНИЯ

- [1] Указ Президента РФ от 24 декабря 2014 г. № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 29 декабря 2014. — № 52 (Ч. I). — Ст. 7753; Собрание законодательства Российской Федерации. — 30 января 2023. — № 5. — Ст. 777.
- [2] Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 5 июля 2021. — № 27 (Ч. II). — Ст. 5351.
- [3] Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 14 ноября 2022. — № 46. — Ст. 7977.
- [4] Конституция Российской Федерации (с учетом поправок, внесенных от 30 декабря 2008 г., 5 февраля 2014 г., 21 июля 2014 г., 14 марта 2020 г., с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования июля 2020 г.) // Российская газета. — 1993. — № 237. — 25 декабря; Собрание законодательства Российской Федерации. — 5 января 2009. — № 1. — Ст. 1–2; Собрание законодательства Российской Федерации. — 10 февраля 2014. — № 6. — Ст. 548; Собрание законодательства Российской Федерации. — 28 июля 2014. — № 30 (Ч. I). — Ст. 4202; Собрание законодательства Российской Федерации. — 16 марта 2020. № 11. Ст. 1416.
- [5] Информация Конституционного Суда Российской Федерации «Актуальные конституционно-правовые аспекты обеспечения экономической, политической и социальной солидарности: к 30-летию Конституции Российской Федерации (на основе решений Конституционного Суда Российской Федерации 2020-2023 годов)» (подготовлена Секретариатом Конституционного Суда Российской Федерации) (одобрена решением Конституционного Суда Российской Федерации от 14 ноября 2023 г.) // Конституционный Суд РФ : официальный сайт. — URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Info/Maintenance/Documents/Report%202023.pdf> (дата обращения 21.11.2023).
- [6] Федеральный конституционный закон от 6 ноября 2020 г. № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации». // Собрание законодательства Российской Федерации. — 9 ноября 2020. — № 45. — Ст. 7061.
- [7] *Аристархов, В. В.* Защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей в системе нормативно-правовых актов, относящихся к государственной культурно-образовательной политике. Аналитический доклад // Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д.С.Лихачёва : [сайт]. — URL: https://heritage-institute.ru/wp-content/uploads/2023/03/vladimir-aristarkhov_zashhita-tradiczionnyh-rossijskih-duhovno-nravstvennyh-czennostej-v-sisteme-normativno-pravovyh-aktov-otnosyashhihsya-k-kulturno-obrazovatelnoj-politike.pdf (дата обращения: 12.12.2023).
- [8] Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 30 мая 2023 г. № 1399-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Лагодича Константина Сергеевича на нарушение его конституционных прав частью 2 статьи 20.33 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // Конституционный Суд РФ : официальный сайт. — URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision688925.pdf> (дата обращения: 12.12.2023).
- [9] Информация Конституционного Суда Российской Федерации «Актуальные конституционно-правовые аспекты...»
- [10] Там же.

CULTURAL SOVEREIGNTY: THE CONTENT OF THE LEGAL DEFINITION AND LAW ENFORCEMENT IN STRATEGIC PLANNING IN THE FIELD OF NATIONAL CULTURAL POLICY

Shashkin Pavel Alexandrovich
PhD in Philosophy, Senior Researcher,
Likhachev Russian Research Institute
for Cultural and Natural Heritage (Moscow)

Abstract. *The article presents the author's vision of the enforcement of the definition of "cultural sovereignty" in order to counter sociocultural threats to Russia's national security and characterizes some of its properties. Ensuring cultural sovereignty is considered as a key component of coordinated actions in the field of strategic planning of public authorities and civil society institutions to protect the sovereignty of the state, achieve strategic management goals, protect the foundations of the constitutional system of Russia, the axiological foundation of statehood and historically established constitutional identity. The properties of cultural sovereignty are revealed, according to the author, in the results of public policy that are measurable from the point of view of strategic management, requiring the implementation of a set of management measures and*

activities. The property of cultural sovereignty “protection of the people and the state from destructive ideological and information influences” should be expressed in measurable results of coordinated actions of all state structures to suppress the destructive influence on culture with the active participation of civil society in this process. The property of cultural sovereignty “preservation of the historical memory and identity of the people” requires expression in measurable results of public policy from the point of view of strategic management, including a decrease in the number and activity of transnational “identity communities” in the country that are not complementary to the all-Russian civil and cultural identity . The property of cultural sovereignty “carrying out national policy in accordance with traditional Russian values” should find its expression in the concrete results of strengthening the existing historical institutions of public power in terms of their modernization in order to achieve the strategic goals of ensuring national security and development based on the constitutional principle of solidarity that forms civil society. unity and self-awareness. The quality of Russia's cultural sovereignty is thus determined by maintaining the spiritual forces of the state and people, the main public institutions at the level necessary to form sovereign political will and achieve the goals of strategic management.

Key words: *cultural sovereignty, national security, strategic planning, traditional Russian spiritual and moral values, public administration, destructive ideology, sociocultural threats, cultural policy, all-Russian civic identity.*

© Шашкин П.А., текст, 2024
Статья поступила в редакцию 10.06.2024.
Публикуется в авторской редакции.

Ссылка на статью:

Шашкин, П. А. Культурный суверенитет: содержание правовой дефиниции и правоприменение в стратегическом планировании в сфере общенациональной культурной политики – DOI 10.34685/НІ.2024.39.37.029. – Текст: электронный // Культурологический журнал. – 2024. – № 3. – С. 4-9. – URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/660.html&j_id=61.